

Огюст Конт

ДУХ ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ*

Часть вторая СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕВОСХОДСТВО ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Глава первая ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРЕВОРОТА

Интеллектуальный
выход
из бесконечного
социального
кризиса

38. Для того чтобы окончательная систематизация человеческих понятий была теперь надлежащим образом охарактеризована, недостаточно рассмотреть, как мы это только что сделали, ее теоретическое назначение; нужно также оценить здесь ясно, хотя и вкратце, ее необходимую способность указать единственный действительно возможный интеллектуальный выход из бесконечного социального кризиса, развившегося за последние полвека во всей Западной Европе и в особенности, во Франции.

І. Бессилие современных школ

Позитивное
понимание
великого кризиса
(революции
1789 года)

39. В продолжение последних пяти веков постепенно совершалось безвозвратное разрушение теологической философии, и в то же время политическая система, идейным основанием которой она являлась, все более и более подвергалась не менее коренному разложению, шедшему равным образом под знаменем метафизического мышления. Существенными и солидарными орудиями этого двоякого отрицательного движения были, с одной стороны, университеты, сначала созданные духовенством, но вскоре выступившие его яркими противниками, а с другой стороны, различные корпорации легистов, постепенно проникавшиеся враждой к феодальным властям.

* Продолжение. Начало: Развитие личности. 2008. № 4. С. 144–185. Публикуется по изданию: *Конт О. Дух позитивной философии.* – СПб.: Издательство «Вестник знания», 1910.

Только по мере того, как распространялся дух критики, ее деятели, не изменяясь по существу, становились более многочисленными и менее высокими по своему уровню, так, в XVIII веке главная революционная деятельность должна была перейти в области философии от ученых в собственном умысле к обыкновенным литераторам, а затем в политике – от судей к адвокатам. Великий окончательный кризис* начался неизбежно, когда общий упадок – сначала случайный, а затем систематический, – упадок, которому, сверх того, различно способствовали все классы нового общества, достиг наконец такой степени, когда стала ясна невозможность сохранить старый порядок и резко выступила настоятельная потребность в новом.

Специальные
преобразования

С момента своего зарождения этот кризис постоянно стремился превращать в широкое органическое движение критическое направление предшествовавших пяти веков, представляясь по преимуществу предназначенным непосредственно произвести социальное преобразование, почва для которого тогда уже вполне была подготовлена предыдущей отрицательной деятельностью. Но это решительное обновление хотя и становилось все более и более настоятельным, должно было оставаться до сих пор в существе своем невозможным, ввиду отсутствия философии, действительно способной доставить ему необходимое идейное основание. Даже в то время, когда достаточно продвинувшееся вперед предварительное разложение побуждало отвергнуть обусловившие его чисто отрицательные учения, – роковое заблуждение, тогда неизбежное, приводило, напротив, к тому, что метафизическому мышлению, единственно действовавшему в течение этого долгого подготовительного периода, сама собой представлялась общая руководящая роль в преобразовательном движении. Когда вполне решительный опыт навсегда констатировал полную органическую несостоятельность такой философии, то отсутствие всякой другой теории сначала не позволяло удовлетворять уже возобладавшим требованиям порядка другим путем, кроме временного восстановления в некотором роде той самой идейной и социальной системы, непоправимое падение которой обусловило наступление кризиса. Наконец, развитие этого попятного движения должно было затем вызвать памятную манифестацию**, которую наши недочеты в области философии сделали столь же необходимой, как и

* Революция 1789 года.

** Революция 1830 года.

Недостаточность
и слабость
теологической
и метафизической
школ

неизбежной, дабы непреложно доказать, что прогресс составляет, совершенно так же, как и порядок, одно из двух основных условий новейшей цивилизации.

40. Естественное сочетание этих двух неизбежных испытаний, возобновление которых стало теперь столь же невозможным, сколь и бесполезным, привело нас в настоящее время к этому странному положению, когда ни в интересах порядка, ни ради прогресса не может быть предпринято ничего истинно великого, за отсутствием философии, действительно приспособленной к совокупности наших потребностей. Всякая серьезная попытка преобразования скоро останавливается перед опасениями регресса, которые она, естественно, должна внушать в эпоху, когда идеи порядка по существу своему вытекают еще из старого уклада, ставшего по справедливости ненавистным современным народам, точные же попытки непосредственно ускорить поступательный ход политики вскоре наталкиваются на преодолимые препятствия вследствие порождаемых ими весьма законных тревог о неизбежности монархии, пока идеи прогресса остаются преимущественно отрицательными. Как и до кризиса, видимая борьба ведется, таким образом, между теологическим мышлением, признанным несоместимым с прессом, который оно догматически отвергало, метафизическим мышлением, которое, сумев вызвать всеобщее сомнение в философии, стремилось в политике лишь к установлению беспорядка или к состоянию, равносильному безначалию.

Антагонизм методов

Но ввиду единодушного сознания их общей неудовлетворительности ни тот, ни другой метод мысли отныне не могут внушать управляющим или управляемым глубокие активные убеждения. Их антагонизм продолжает, однако, взаимно питать их, и ни один из них не способен скорее, чем другой, либо совершенно оставить поле битвы, либо одержать решительную победу; ибо состояние нашего мышления делает их еще необходимыми, дабы одновременно условия, с одной стороны, порядка, с другой, прогресса, могли быть хоть как-нибудь соблюдены, пока новая философия не сможет одинаково удовлетворить им, сделав наконец равно бесполезными реакционную и критическую школы, из которых каждая имеет теперь главной целью помешать полному возобладанию другой. Тем не менее тревоги противоположного характера, относящиеся к этим противоречивым формам мысли, естественно, останутся нерассеянными, пока будет продолжаться идейное междуцарствие, неизбежное следствие неразумного разлучения двух нераздельных сторон великой соци-

альной проблемы. В самом деле, каждая из этих двух школ, вследствие своего исключительного стремления, не способна даже удовлетворительно сдерживать противоположные заблуждения своего антагониста. Невзирая на свою антианархическую тенденцию, теологическая школа показала себя в наше время совершенно бессильной помешать росту разрушительных воззрений, которые, развившись, главным образом в период ее полного восстановления, часто распространяются ею ради легкомысленных династических расчетов. Точно так же, каков бы ни был антиреакционный инстинкт метафизической школы, она лишена теперь всей той логической силы, которой требовала бы ее простая революционная функция, ибо ее характерная непоследовательность заставляет ее допускать основные принципы той самой системы, истинные условия бытия которой она беспрерывно подрывает.

Промежуточная школа, или эмпирическое примирение двух антагонистических школ

41. Это печальное колебание между двумя противоположными философиями, ставшими одинаково бесполезными и могущими прекратить свое существование только одновременно, должно породить развитие своего рода посредствующей школы, по существу неподвижной и преимущественно предназначенной выдвигать непосредственно социальный вопрос во всей его совокупности, провозглашая наконец равно необходимыми два основных условия, отделяющих друг от друга оба господствующие мнения. Но ввиду отсутствия философии, способной осуществить это великое сочетание духа порядка с духом прогресса, эта третья школа остается логически еще более бессильной, чем две другие, ибо она возводит в систему непоследовательность, освещая одновременно реакционные принципы и отрицательные правила, дабы привести их к взаимоуничтожению. Прямо препятствуя всякому действительному возобладанию какой-либо системы и далекое от стремления закончить кризис, такое направление могло бы только способствовать ее увековечению, если бы оно не ограничивалось временным назначением эмпирически отвечать наиболее серьезным требованиям нашего переходного состояния до решительной победы единственных доктрин, которые могли бы отныне удовлетворять все наши потребности. Но рассматриваемое в таком смысле это предварительное средство стало теперь столь же необходимым, сколь неизбежным. Быстрое достижение им практического влияния, молчаливо признанного обеими активными партиями, все более и более обнаруживает одновременное ослабление теперешних народов, прежних убеждений и страстей, как реакционных, так и

критических, постепенно заменяемых общим реальным, хотя и неясным, чувством ходимости и даже возможности постоянного соглашения между консервативным и прогрессивным направлениями, одинаково свойственными нормальному состоянию человечества. Соответственное стремление государственных людей по возможности помешать теперь всякому большому политическому движению само собой отвечает сверх того основным требованиям положения, допускающего действительно только временные учреждения, пока истинная общая философия не объединит умы в достаточной степени.

Опасность
эклетицизма

Это инстинктивное сопротивление современных властей способствует, помимо их воли, облегчению действительного разрешения кризиса, побуждая бесплодную политическую агитацию превращаться в активное философское поступательное движение, дабы последовательно пройти наконец путь, предначертанный собственной природой окончательной реорганизации, которая должна сначала совершиться в идеях, чтобы распространиться затем на нравы и лишь после – этого на учреждения. Такое превращение, стремящееся уже стать преобладающим во Франции, естественно, должно будет все более и более развиваться всюду ввиду возрастающей необходимости, в которую поставлены теперь наши западные правительства, – поддерживать с большими расходами материальный порядок среди идейного и морального беспорядка. Эта необходимость должна мало-помалу существенно поглощать их повседневные усилия, заставляя их молчаливо отречься от всякой серьезной роли в духовной реорганизации, предоставленной таким образом свободной деятельности философов, которые покажут себя достойными руководить ею. Эта естественная тенденция современных властей находится в гармонии с само собой возникающим стремлением народов к кажущемуся политическому индифферентизму, который объясняется коренной несостоятельностью различных ходячих учений и который не ослабнет, пока политические споры, за отсутствием надлежащего стимула, будут вырождаться, по-прежнему в бесполезные личные столкновения, все более и более печальные. Такова благоприятная практическая сила, которую вся совокупность нашего переходного состояния кратковременно доставляет школе, по существу эмпирической, и эта школа в теоретическом отношении может создать лишь систему в корне противоречивую, не менее нелепую и опасную в политике, чем нелеп и опасен в философии соответствующий ей

эkleктизм, вдохновляемый также тщетным намерением согласовать, за отсутствием собственных принципов, противоположные мнения.

II. Положительное согласование порядка и прогресса

Положительная школа устанавливает нормальное положение вещей

42. В силу все более и более развивающегося сознания равной социальной неудовлетворительности теологического и метафизического направлений, которые до сих пор одни только деятельно оспаривали господство друг у друга, общественный разум должен быть расположенным скрыто признавать теперь положительное мышление единственно возможным основанием для истинного разрешения глубокой интеллектуальной и моральной анархии, преимущественно характеризующей великий современный кризис. Оставаясь еще чуждой таким вопросам, положительная школа постепенно подготавливалась, приводя в течение революционной борьбы последних трех веков в действительно нормальное состояние все более простые классы наших реальных умозрений. Укрепленная такими логическими и научными опытами, свободная, сверх того, от современных заблуждений, она представляется теперь приобретшей наконец недостававшую ей до сих пор философскую общность; отныне она дерзает в свою очередь предпринять еще не начатое разрешение великой проблемы, надлежащим образом применяя новый метод и к конечным исследованиям, подобно тому, как она это последовательно сделала относительно различных предварительных изысканий.

Порядок как условие прогресса и прогресс как необходимая цель порядка

43. Прежде всего нельзя не признать само собой возникающей способности этой философии непосредственно построить еще столь тщетно искомое основное согласование одновременно между требованиями порядка и прогресса. Для этого ей достаточно распространить на социальные явления тенденцию, которая вполне соответствует ее природе и которую она теперь сделала крайне обычной во всех других основных случаях. В каком бы то ни было вопросе положительное мышление всегда приводит к установлению точной элементарной гармонии между идеями порядка и идеями прогресса. Для новой философии порядок составляет всегда основное условие прогресса, и обратно, прогресс является необходимой целью порядка: подобно тому, как в животной механике равновесие и поступательное движение взаимно необходимы в качестве основы или цели.

Точка зрения порядка

44. Рассматриваемое затем специально со стороны порядка, положительное мышление в своем социальном расширении обеспечивает этому порядку могуществен-

ные и непосредственные гарантии, не только научные, но также логические, которые скоро будут признаны бесконечно превосходящими тщетные притязания реакционной теологии, в течение нескольких веков все более и более вырождающейся в деятельный элемент личных или национальных раздоров и отныне не способной сдерживать пагубные шатания своих собственных последователей. Поражая современный беспорядок в его основании, необходимо коренящемся в области мысли, положительная философия устанавливает столь глубоко, насколько это возможно, логическую гармонию, преобразовывая сначала *методы* (еще не касаясь доктрин) посредством одновременного тройного обновления – природы господствующих вопросов, способа их рассматривания и предварительных условий их обсуждения. В самом деле, с одной стороны, она доказывает, что главные социальные затруднения являются теперь по существу не политическими, но преимущественно моральными, так что их возможное разрешение зависит от воззрений и нравов гораздо более, чем от учреждений; это обстоятельство стремится устранить смуту, превращая политическую агитацию в философское движение. С другой стороны, она всегда рассматривает настоящее состояние как необходимый результат всей предшествовавшей эволюции, постоянно отводя, при исследовании современных человеческих событий, преобладающее место рациональной оценке прошлого, что тотчас устраняет чисто критические тенденции, несовместимые со всякой здоровой исторической концепцией. Наконец, вместо того чтобы оставлять социальную науку в смутной и бесплотной изолированности, в которую еще ставят ее теология и метафизика, она ее непреложно согласовывает со всеми другими основными науками; последние по отношению к этой конечной области знания составляют последовательный ряд необходимых вводных дисциплин, где наш ум приобретает одновременно привычки и понятия, без которых он не может продуктивно приступить к наиболее возвышенным положительным умозрениям, а это обстоятельство создает уже истинную умственную дисциплину, способную поставить на надлежащую почву столько споров ныне, как того и следует ждать, еще недоступных массе слабо одаренных или плохо подготовленных умов.

Ценность
систематизации

Эти великие логические гарантии, сверх того, в полной мере подтверждаются и развиваются затем научной оценкой в собственном смысле слова, которая относительно социальных явлений, как и по отношению ко всем другим, представляет всегда наш искусственный

порядок как долженствующий, заключаться, главным образом, в разумном продолжении, сначала случайном, а потом систематическом, естественного порядка, вытекающего в каждом случае из совокупности реальных законов, действительное действие которых обыкновенно способно видоизменяться благодаря нашему мудрому вмешательству, в определенных пределах, тем более широких, чем выше стоят явления. Одним словом, элементарное чувство порядка является, естественно, нераздельным со всеми положительными умозрениями, постоянно направляемыми к открытию средств для объединения наблюдений, главная ценность которых обуславливается их систематизацией.

Точка зрения
прогресса

45. Точно так же и, пожалуй, еще более очевидно обстоит дело по отношению к прогрессу, который, вопреки напрасным онтологическим притязаниям, находит теперь в совокупности научных исследований свое наиболее бесспорное проявление. В силу их абсолютной и, следовательно, по существу неподвижной природы метафизика и теология, одна не более, чем другая, могли быть способны на действительный *прогресс*, т.е. на непрерывный поступательный ход к одной определенной цели.

Беспрерывное
совершенствование
знаний

Напротив, их исторические превращения состоят преимущественно в возрастающем забвении вопросов, как умственных, так и социальных, без того, чтобы эти вопросы, раз возбужденные, могли сделать какой-либо реальный шаг, уже по причине их совершенной неразрешимости. Легко заметить, что онтологические споры греческих школ были, по существу дела, в других формах воспроизведены средневековыми схоластиками и что равноценные им явления мы вновь наблюдаем теперь в спорах наших психологов и идеологов, — и в течение этих двадцативековых бесплодных словопрений ни одна из спорных доктрин не могла привести решительных доказательств хотя бы только относительно существования внешних тел, еще столь же проблематичного для новейших авторов, как и для их более древних предшественников. Очевидно, что беспрерывное движение положительных знаний внушило Паскалю два века тому назад выраженное им в своей философской формуле первое рациональное понятие о человеческом прогрессе, понятие, необходимо чуждое всякой древней философии. Распространенная затем на промышленную эстетическую эволюцию, но оставшаяся слишком неясной в области социального движения, эта смутно стремится теперь к окончательной систематизации, которую может произвести только обобщенное

Преобразование ума
и общественных
инстинктов

наконец надлежащим образом положительное мышление. В своих повседневных умозрениях оно само собой воспроизводит элементарное активное чувство, всегда представляя расширение и совершенствование наших реальных знаний как существенную цель наших различных теоретических усилий.

Более систематическое рассмотрение показывает, что новая философия непосредственно определяет необходимое назначение всего нашего существования – одновременно личного и социального – непрерывное улучшение не только нашего состояния, но так же и, в особенности, нашей природы, поскольку это во всех отношениях допускает совокупность внешних или внутренних реальных законов. Возводя, таким образом, идею прогресса в истинно основной догмат человеческой мудрости, практической, так и теоретической, положительная философия сообщает ей наиболее благородный и в то же время наиболее полный характер, представляя всегда второй вид совершенствования высшим, чем первый. Действительно, так как, с одной стороны, воздействие человечества на внешний мир зависит преимущественно от способностей действующего, то улучшение последних должно составлять наш главный ресурс; и так как, с другой стороны, человеческие личные или коллективные явления наиболее способны видоизменяться, то именно относительно их наше разумное вмешательство, естественно, возможно в наиболее широких размерах. Догмат прогресса может, таким образом, стать достаточно философским только на основании точной оценки того, что главным образом составляет это непрерывное улучшение нашей природы, улучшение, являющееся главной целью поступательного движения человечества. А в этом отношении совокупность положительной философии вполне доказывает, как это можно видеть в труде, указанном в начале этого «Слова», что совершенствование, как для индивидуума, так и для рода, по существу заключается в доставлении преобладания возвышенным свойствам, наиболее отличающим нашу *человечность* от простой животности, т.е., с одной стороны, уму, а с другой, общественности, – способностям, естественно связанным между собою, взаимно служащим друг другу средством и целью.

Личная
и социальная
эволюция человека

Хотя само собой совершающееся течение личной или социальной человеческой эволюции всегда развивает общее влияние последних, их комбинированная сила не могла бы, однако, помешать тому, чтобы наша главная деятельность не определялась низшими наклонностями, которые в силу присущей нам организации необ-

Доказательство
превосходства
положительного
метод

ходимо являются более энергичными. Таким образом, это идеальное преобладание нашей человечности над нашей животностью, естественно, отвечает основным условиям истинно философского *типа*, очерчивая определенный предел, к которому все наши усилия должны нас постоянно приближать, будучи, однако, лишены возможности когда-либо его достигнуть.

46. Это двойное указание основной способности положительного мышления самопроизвольно систематизировать здоровые нераздельные понятия порядка и прогресса достаточно для того, чтобы здесь вкратце охарактеризовать высокое социальное значение, присутствующее новой общей философии. Ее ценность в этом отношении зависит, главным образом, от ее полной научной реальности, т.е. от точной гармонии, по возможности всегда устанавливаемой между принципами и фактами, как касательно социальных, так и относительно других явлений. Полная реорганизация, единственно способная прекратить великий современный кризис, в области мысли – где она и должна прежде всего свершиться – действительно состоит в построении социологической теории, которая могла бы надлежащим образом объяснить человеческое прошлое, таков способ рациональной постановки основного вопроса, позволяющий лучше избежать влияния всякой волнующей страсти. А именно таким образом необходимое превосходство положительной школы над различными современными школами может быть оценено более точно. Ибо теология и метафизика, в силу абсолютного характера, обе были склонны рассматривать только ту часть прошлого, когда каждая из них господствовала по преимуществу: то, что периоду предшествовало и что за ним последовало, казалось им лишь мрачным замешательством и необъяснимым беспорядком, связь которых с ограниченной частью великого исторического развития могла, по их мнению, вытекать только из чудес вмешательства. Так, например, католицизм всегда обнаруживал по отношению к древнему политеизму столь же слепо-критическую тенденцию, в какой он теперь справедливо упрекает в собственном смысле слова революционное направление, в свою очередь проявляющее ее по отношению к нему самому образом, истинное объяснение совокупности прошлого, сообразно неизменным законам нашей личной или коллективной природы, является по необходимости невозможным для господствующих еще абсолютных школ, в самом деле, ни одна из них не сделала достаточно серьезной попытки в этом направлении.

Все исторические эпохи – суть определенного фазиса общей эволюции

Положительная философия, благодаря своему в высшей степени относительному характеру, единственно может надлежащим образом представить *все великие исторические эпохи* как различные определенные фазисы одной и той же основной эволюции, где каждый фазис вытекает из предшествовавшего и подготавливает следующий за ним в зависимости от неизменных законов, точно определяющих его специальное участие в общей цепи фактов; эта философия позволяет всегда без упрека в непоследовательности и пристрастии отдавать должную философскую справедливость всем событиям, содействовавшим прогрессу. Хотя это бесспорное преимущество разумного положительного метода должно с первого взгляда казаться чисто умозрительным, тем не менее истинные мыслители не замедлят признать в нем главный необходимый источник активного социального влияния, выпавшего наконец на долю новой философии. Ибо теперь можно утверждать, что учение, которое удовлетворительно объяснит совокупность прошлого, неизбежно получил, благодаря только этому доказательству, руководящую роль в направлении мысли будущего.

Главное применение истинной теории о человечестве

Глава вторая
СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МОРАЛИ

47. Указание высших социальных свойств, характеризующих положительное мышление, было бы еще недостаточно законченным, если бы оно не дополнялось краткой оценкой, естественно, ему присущей: способности систематизировать наконец человеческую мораль, что будет составлять всегда главное применение истинной теории о человечестве.

Эволюция теоретической положительной морали

I. Эволюция положительной морали

48. В политеистическом организме древности мораль, коренным образом подчиненная политике, могла никогда приобрести ни достоинства, ни всеобщности, соответствующих ее природе. Ее основная независимость и даже свойственное ей влияние – постольку, поскольку это было тогда возможно, – выросли наконец на почве монотеизма в Средние века, эта громадная социальная услуга, оказанная человечеству католицизмом, будет всегда служить основанием его главного права на вечную признательность человеческого рода. Именно только начиная с момента этого неизбежного обособления, утвержденного и дополненного необходимым разделением двух властей, человеческая мораль, огражденная от временных побуждений, действительно могла принять систематический

характер, устанавливая истинно общие правила для всей совокупности нашего личного, домашнего и социального существования. Но глубокие несовершенства монотеистической философии, руководившей тогда этим великим преобразованием, должны были значительно умалить ее силу и даже серьезно поколебать ее прочность, порождая вскоре роковое столкновение между ростом идей и моральным развитием. Связанная, таким образом, с доктриной, которая не могла оставаться долгое время прогрессивной, мораль должна была затем все более и более страдать от возрастающего недоверия, неизбежно встречавшего теологию, которая, являясь отныне реакционной, становилась наконец коренным образом противной новому умственному направлению. Предоставленная с этого момента разрушительному действию метафизики, теоретическая мораль в самом деле понесла в течение последних пяти веков в каждой из своих трех существенных частей серьезные потери, и эти потери никогда не могли быть в достаточной степени возмещены на практике справедливостью и нравственностью, естественно присущими человеку, невзирая на непрерывное счастливое развитие последних, обусловленное тогда само собой слагавшимся ходом нашей цивилизации. Если бы необходимое влияние положительного мышления не поставило наконец предел этим анархическим течениям, они, наверно, наложили бы печать пагубной нерешительности на все более или менее утонченные понятия обычной морали, не только социальной, но также и домашней, и даже личной, и оставили бы всюду в силе только правила, которые относятся к более простым случаям и которые общепринятая оценка могла бы подтвердить непосредственно.

Закон эволюции
моральных
заповедей

49. При таком положении вещей должно казаться странным, что единственная философия, которая могла бы действительно укрепить мораль, напротив, считается в этом отношении совершенно некомпетентной. Таково мнение различных современных школ, начиная от правоверных католиков до простых деистов, которые, среди своих бесполезных споров, сходятся главным образом в том, что ей нужно существенно воспретить доступ к этим основным вопросам в силу того единственного мотива, будто ее дух, отличаясь в своей природе слишком частным характером, ограничивался до сих пор более простыми предметами. Метафизика, столь часто стремившаяся активно разрушать нравственность, и теология, уже давно потерявшая возможность ее охранять, обе, тем не менее, упорствуют в желании сделать из нее своего рода

вечное и исключительно им принадлежащее достояние, не считаясь с отношением общественного мнения к этим эмпирическим притязаниям. Правда, должно вообще признать, что всякое моральное правило обязано своим первоначальным введением теологическому духу, которым тогда была глубоко пропитана вся система наших идей, и который в то же время был единственно способен создать достаточно общие мнения. Но совокупность прошлого равным образом доказывает, что эта первоначальная общность постоянно убывала – одновременно с уменьшением значения самой теологии; моральные правила, как и все другие, все более и более подвергались чисто рационалистической переоценке по мере того, как народная масса становилась все более способной понимать действительное влияние каждого поступка на личное или социальное существование человека. Отделив раз и навсегда мораль от политики, католичество должно было значительно способствовать развитию этой постоянной тенденции; ибо сверхъестественное вмешательство было таким образом непосредственно сведено к созданию общих правил, частное применение которых было отныне в существе дела предоставлено человеческой мудрости. Обращаясь к более передовым народам, оно передало на усмотрение общественного мнения массу специальных вопросов, относительно которых древние мудрецы полагали, что они могут разрешаться исключительно религиозными предписаниями; так думают еще и теперь ученые политеисты Индии, например, касательно большинства вопросов практической гигиены.

Человечество не может быть обречено основывать свои правила поведения на нелепых мотивах

Поэтому-то уже три века спустя после св. Павла раздавались зловещие предсказания нескольких философов или языческих юристов об угрожающей безнравственности, которую неминуемо повлечет за собой грядущий религиозный переворот. Современные разглашательства различных монотеистических школ также мало помешают положительному мышлению закончить теперь при надлежащих условиях практическое и теоретическое завоевание области морали – области, уже и того все более и более переходившей под контроль человеческого разума, частные приобретения которого нам остается теперь главным образом только систематизировать. Человечество, без сомнения, не может быть бесконечно обречено вызывать свои правила поведения только на химерических мотивах, чтобы таким образом увековечить временно существовавшее до сих пор гибельное противоречие между интеллектуальными и моральными потребностями.

II. Необходимость сделать мораль независимой от теологии и метафизики

Теология не укрепляет моральных заповедей

50. Не только присутствие теологического элемента не является необходимым для моральных заповедей, но, напротив, опыт доказывает, что у современных народов оно становится для них все более и более вредным, неизбежно заставляя их, благодаря этой пагубной связи, разделять возрастающее разложение монотеистического порядка; это в особенности наблюдается в течение последних трех веков. Прежде всего эта роковая солидарность должна была по мере того, как угасала вера, непосредственно ослаблять единственное основание, служившее таким образом опорой для этих правил, подвергаясь часто сильным нападениям, нуждались в заботливом охранении их от всякого колебания. Возрастающее отвращение, которое справедливо внушал теологический дух, тяжело отразилось на многих важных понятиях, не только касающихся серьезнейших социальных отношений, но затрагивающих также и обычную домашнюю жизнь, и даже личное существование; слепое и пылкое стремление к освобождению мысли влекло за собой, сверх того, только то, что временное презрение к этим спасительным правилам иногда превращалось в своего рода сумасшедший протест против реакционной философии, которая казалась их исключительным источником. Даже у тех, которые сохраняли догматическую веру, это губительное влияние давало себя непосредственно чувствовать, ибо авторитет духовенства, потеряв свою политическую независимость, также все более и более утрачивал свое социальное значение, необходимое для его моральной силы. Кроме этого возрастающего бессилия поддерживать моральные заповеди, теологическое мышление, дезорганизованное неизбежным подъемом свободного личного исследования и лишенное своей былой устойчивости, часто также и активно вредило им.

Теология благоприятствовала антисоциальным заблуждениям

Порождая, таким образом, разброд мнений, теологическая мысль действительно обуславливала или благоприятствовала многим антисоциальным заблуждениям, которые здравый смысл, предоставленный самому себе, обошел бы или отбросил своим свободным усилием. Разрушительные утопии, как направленные против собственности, так даже касающиеся семьи и т.д. и приобретающие теперь популярность, почти никогда не сочинялись и не признавались вполне свободными умами, несмотря на основные недостатки последних, но гораздо скорее исходили от тех, которые стремились к своего рода теологической реставрации, основанной на смутном и

бесплодном деизме или на равноценном ему протестантизме. Наконец, с третьей общей точки зрения, эта старая связь с теологией сделалась губительной для морали также тем, что она препятствовала прочному переустройству последней на чисто человеческих основаниях. Если бы это препятствие заключалось только в непродуманных протестах различных современных теологических или метафизических школ, часто вопивших против мнимой опасности, представляемой таким преобразованием, – то сторонники положительной философии могли бы ограничиться опровержением гнусных инсинуаций достаточно убедительным примером их собственной повседневной, личной, домашней и социальной жизни. Но это противодействие, к несчастью, коренится гораздо глубже, ибо оно вытекает из неизбежного противоречия, очевидно, существующего между этими способами систематизировать мораль. Так как теологические мотивы, естественно, должны предоставляться глазам верующего гораздо более сильными, чем всякие другие, они поэтому никогда не могут стать просто вспомогательными для мотивов чисто человеческих, коль скоро они перестают господствовать, они тотчас теряют всякое реальное значение. Не существует, таким образом, никакой прочной преобладающей связи между построением морали на положительном знании человечества и ее теологическим состоянием, покоящемся на сверхъестественном велении; рационалистические убеждения могли благоприятствовать теологическим верованиям, или, скорее, постепенно заменять их собой по мере того, как угасала вера; но обратное сочетание является только противоречивой утопией, где главное было бы подчинено второстепенному.

Улучшение
практической
морали благодаря
поддержке здравого
смысла

51. Тщательное исследование истинного состояния современного общества всею совокупностью повседневных фактов непреложно опровергает мнимую невозможность укреплять отныне нравственность без помощи какой-нибудь теологии; ибо эта ясная связь должна была, начиная со Средних веков, стать тройне губительной для морали, либо ослабляя или дискредитируя ее идейные основы, порождая прямые противодействия, либо наконец мешая лучше систематизировать ее. Если, вопреки деятельным факторам беспорядка, практическая нравственность реально улучшилась, то этот счастливый результат не может быть приписан теологическому мышлению, превратившемуся тогда, напротив, в опасную разрушительную силу; мы им обязаны по существу, возрастающему влиянию положительного мышления, сильного уже в своей стихийно возникающей форме, в виде

всеобщего здравого смысла, мудрые внушения которого способствовали естественному стремлению нашей прогрессивной цивилизации целесообразно бороться с различными заблуждениями, преимущественно же с заблуждениями, вытекавшими из *религиозных* шаталий. Когда, например, протестантская теология стремилась коренным образом изменить институт брака формальным освящением развода, общественный разум значительно обезвредил пагубные последствия этой реформы, почти всегда предписывая признавать на практике прежние нравы, единственно соответствующие истинному характеру новейшей общественности. Неопровержимые опыты, произведенные одновременно в большом масштабе в недрах народных масс, доказали сверх того, что мнимо исключительная привилегия религиозных верований побуждать на великие жертвы или внушать деятельную преданность может равным образом принадлежать прямо противоположным мнениям и присуща вообще всяким глубоким убеждениям, какова бы ни была их природа. Многочисленные противники теологического режима, которые полвека назад с таким героизмом отстаивали нашу национальную независимость против реакционной коалиции, без сомнения, проявили не менее полную и не менее постоянную самоотверженность, чем суеверные толпы, которые внутри Франции содействовали внешним врагам.

Теолого-метафизическая философия как коллективное лицемерие

52. Чтобы закончить оценку теперешних притязаний теолого-метафизической философии на сохранение за нею исключительного права систематизировать обычную мораль, достаточно непосредственно рассмотреть опасную и противоречивую доктрину, которую неизбежный прогресс освобождения мысли из-под опеки такой философии вскоре заставил последнюю установить по этому предмету, освящая всюду, под более или менее прозрачными формами, своего рода *коллективное лицемерие*. Это лицемерие аналогично тому, которое, кстати, совершенно неосновательно предполагается якобы обычно существовавшим у древних, хотя у них оно всегда могло рассчитывать лишь на случайный и временный успех. Не будучи в состоянии мешать свободному развитию современных идей у людей просвещенных, эта философия предполагает таким образом добиться от них ради общественной пользы внешнего уважения к древним верованиям, дабы поддерживать среди народа авторитет, который она считает необходимым. Эта систематическая мировая сделка отнюдь не является произведением исключительно иезуитов, хотя

и составляет существенную основу их тактики; протестантский дух на свой лад также дал ей еще более глубокое, более широкое и в особенности более догматическое освящение: метафизики в собственном смысле допускают его совершенно так же, как сами теологи; величайший их них (Кант), хотя его высокая нравственность была поистине достойна его возвышенного ума, дошел до того, что по существу санкционировал этот компромисс, устанавливая, с одной стороны, что всякие какие то ни было теологические воззрения не доступны никакому действительному доказательству, и, другой, что социальная необходимость обязывает бесконечно поддерживать их господство. Невзирая на то, что эта доктрина могла пользоваться уважением в глазах тех, у кого этот вопрос не связан с интересами личного честолюбия, она, тем не менее, стремится испортить в корне все источники человеческой нравственности, неизбежно оскверняя их непрерывной ложью и даже презрением высших к низшим.

Исчезновения
нравственности
и морали

Пока те, кто должны были участвовать в этом систематическом притворстве, были малочисленны, практическое осуществление его было возможно, хотя носило чрезвычайно случайный характер; но оно стало еще более бессмысленным и более отвратительным, когда просвещение распространилось настолько, что этот своего рода благочестивый заговор должен был охватить, как это имело бы место теперь, большинство мыслящих умов. Наконец, если предположить возможным такое фантастическое расширение заговора, эта ложная система совершенно не устраняет затруднения относительно самих участников последнего, собственная нравственность которых оказывается таким образом предоставленной их личному усмотрению, уже справедливо признанному недостаточным для подчиненного класса. Если же нужно допустить необходимость собственно систематизированной морали для этих освобожденных умов, то она отныне сможет покоиться только на положительных основаниях, которые таким образом в конце концов будут признаны безусловно необходимыми. Что касается приурочивания последних исключительно к просвещенному классу, то помимо того, что такое ограничение не могло бы изменить природу этого великого философского построения, оно было бы, очевидно, призрачным в эпоху, когда умственное развитие, предполагаемое этим легким освобождением, уже стало чрезвычайно общим или, вернее, почти всеобщим по крайней мере, во Франции. Таким образом, эмпиричес-

кая уловка, подсказанная тщетным стремлением поддерживать во что бы то ни стало старый порядок идей, может в конечном итоге привести только к тому, что большинство деятельных умов останется на неопределенное время лишенным всякой моральной доктрины, как это очень часто наблюдается теперь.

III. Необходимость духовного господства положительной философии

Универсальное
влияние
положительного
метода во имя
нравственности

53. Итак, именно во имя нравственности нужно отныне горячо работать для доставления, наконец, всеобщего преобладания положительному мышлению, дабы заменить устаревшую систему, которая – то бесильная, то возмущающая – требует все большего и большего подавления мысли для поддержания неизменного морального порядка. Новая философия единственно может установить теперь относительно наших различных потребностей глубокие и деятельные убеждения, действительно способные сдерживать натиск страстей. Согласно ее воззрениям на человечество, неопровержимые доказательства, опирающиеся на огромный опыт, которым обладает теперь наш род, точно определяют прямое или косвенное, частное или общественное действительное влияние, свойственное каждому поступку, каждой привычке и каждой наклонности или чувству; отсюда, естественно, будут вытекать, как неизбежные следствия, правила поведения, как общие, таки и специальные, и эти правила будут наиболее ответствовать всеобщему порядку и, следовательно, необходимо окажутся наиболее благоприятными для личного счастья. Невзирая на крайнюю трудность этого великого предмета, я осмеливаюсь утверждать, что, рассматривая его надлежащим образом, можно прийти в этой области к заключениям столь же достоверным, как выводы геометрии. Нельзя, конечно, надеяться сделать когда-нибудь доступными всем умам эти положительные доказательства многих нравственных правил, предназначенных, однако, для обыденной жизни, но так уже обстоит дело относительно различных математических предписаний; последние, тем не менее, применяются без колебания в наиболее трудных случаях, когда, например, наши моряки ежедневно рискуют жизнью, доверяясь астрономическим теориям, которых они совершенно не понимают; почему с подобным доверием нельзя было бы относиться и к более нужным понятиям? Не подлежит, сверх того, сомнению, что нормальное существование такого

порядка требует в каждом случае, помимо могучего побуждения, естественно вытекающего из общественных предрассудков, – также систематического вмешательства то пассивной, то активной духовной власти, назначенной энергично напоминать основные правила и мудро руководить их применением (эту сторону вопроса я специально объяснил в вышеуказанном сочинении). Выполняя, таким образом, великую социальную функцию, которою католицизм уже не занимается более, эта новая моральная власть тщательно использует счастливую способность положительной философии стихийно впитывать в себя мудрость любого предшествовавшего строя мысли, согласно обычной тенденции положительного мышления по отношению ко всякому предмету. Когда новейшая философия безвозвратно изгнала астрологические принципы, она не менее заботливо сохранила все истинные понятия, полученные при их господстве; точно то же происходило в химии по отношению к алхимии.

Глава третья РОСТ СОЦИАЛЬНОГО ЧУВСТВА

Социальная точка зрения как регулятор положительных взглядов

54. Не имея здесь возможности заняться моральной оценкой положительной философии, я должен, однако, отметить неизменную тенденцию, непосредственно вытекающую из ее собственного построения, как научного, так и логического, возбуждать и укреплять чувство обязанности, выдвигая всегда идею целого, с которой такое чувство, естественно, связано. Этот новый образ мышления сам собою устраняет то роковое противоречие между интеллектуальными и нравственными потребностями, которое, начиная с конца Средних веков, дает себя все более и более чувствовать. Отныне, напротив, все реальные умозрения, надлежащим образом систематизированные, будут непрерывно содействовать тому, чтобы, поскольку это возможно, доставить всеобщее преобладание морали, так как социальная точка зрения необходимо станет научной связью и логическим регулятором всех других положительных взглядов. Невозможно предложить, чтобы такое согласование, легко и просто развивая идеи порядка и гармонии всегда применительно к человечеству, не стремилось коренным образом изменить нравы не только людей избранных, но и широких масс, которые должны будут, благодаря надлежащей системе всеобщего образования, более или менее участвовать в этом великом перерождении.

1. Старый моральный строй является личным

Эгоизм
метафизической
морали

55. Более глубокое и более личное рассмотрение, одновременно практическое и теоретическое, рисует нам положительное мышление единственно способным по своей природе непосредственно развивать социальное чувство, являющееся первым необходимым основанием всякой здоровой морали. Старый строй идей мог побуждать к нравственности только с помощью тяжелых косвенных средств, реальный успех которых должен был быть, ввиду, по существу личной, тенденции этой философии, весьма несовершенным, когда мудрость духовенства не сдерживала ее стихийного влияния. Эта необходимость теперь признана, по крайней мере эмпирически, касательно метафизического мышления в собственном смысле слова, которое в области морали никогда не могло привести ни к какой другой действительной теории, кроме гибельной системы *эгоизма*, столь обычной теперь, вопреки множеству противоположных разглагольствований: даже онтологические секты, которые серьезно протестовали против подобного заблуждения, в конце концов заменили его смутными или несвязными понятиями, неспособными иметь какое-либо практическое значение.

Личный характер
старого морального
порядка

Столь печальная и, однако, столь постоянная тенденция должна корениться гораздо глубже, чем это обыкновенно предполагают. Она в самом деле обусловлена неизбежно личным характером этой философии, которая, ограничиваясь всегда рассматриванием индивида, никогда не могла реально охватить изучение рода, в силу неминуемого следствия, вытекающего из ее неосновательного логического принципа, который, по существу, сводится к вдохновению, в собственном смысле слова, очевидно исключающему возможность всякого коллективного применения. Ее обычные формулы являются только наивным выражением ее основного духа; для каждого из ее последователей господствующей мыслью неизменно является мысль о собственном я; всякие другие существования, даже человеческие, неясно выражаются одной отрицательной концепцией – и их неопределенное целое составляет не-я; понятие «мы» не может находить в ней никакого посредственного и обособленно отведенного ему места. Но, исследуя этот предмет еще глубже, приходится признать, что в этом, как и во всяком другом, отношении метафизика и догматически, и исторически оказывается в преемственной связи с самой теологией, лишь разрушительное видоизменение которой она всегда

Личное спасение
как цель старой
морали

могла составлять. В самом деле, эта черта неизменного эгоизма преимущественно принадлежит в более сильной степени теологической мысли, всегда занятой у каждого верующего по существу личными интересами, огромное преобладание которых неизбежно поглощает всякое другое соображение, и даже наивысшая преданность не могла бы здесь внушать истинное самоотвержение, справедливо рассматриваемое тогда как опасное заблуждение.

Только частое противоречие этих вымышленных интересов с реальными интересами доставило благоразумному духовенству разумное средство моральной дисциплины, которое нередко могло побуждать во имя общественного блага на удивительные жертвы, однако последние только казались таковыми, но сводились всегда к благоразумному уравниванию интересов. Доброжелательные и бескорыстные чувства, свойственные человеческой природе, должны были, без сомнения, проявляться и при этом строе и даже, в некоторых отношениях, в силу его косвенного влияния; но хотя их порывы не могли быть таким образом заглушены, их характер должен был все-таки подвергаться сильному искажению, которое, вероятно, не позволяет нам еще, за отсутствием чистого и прямого их выражения, познать со всей полнотой их природу и их напряженность. Позволительно, сверх того, предположить, что эта постоянная привычка к личным расчетам в области наиболее дорогих интересов верующего развивала у человека путем постепенной аналогии, даже и во всяком другом отношении, излишнюю осторожность, предусмотрительность и в конечном итоге преувеличенный эгоизм, который совершенно не обуславливался его основной организацией и который поэтому сможет уменьшиться при лучшем моральном порядке. Какова бы ни была достоверность этого предположения, остается, тем не менее, бесспорным, что теологическая мысль, по своей природе, по существу индивидуальна и никогда не бывает непосредственно коллективной. Для веры – и в особенности монотеистической – социальная жизнь не существует, ибо вера не видит той цели, к которой последняя беспрестанно стремится; человеческое общество с этой точки зрения непосредственно представляет только скопление индивидов, соединение которых почти так же случайно, как и скоропреходяще, из которых каждый озабочен своим личным спасением и которые рассматривают участие в спасении другого как могущественное средство лучше заслужить собственное

спасение, подчиняясь предписаниям, свыше налагающим на них эту обязанность. Мы всегда, конечно, будем выражать почтительное удивление благоразумию духовенства, которое при благоприятном давлении общественного инстинкта сумело долгое время извлекать весьма важную практическую пользу из столь несовершенной философии. Но это справедливое признание не может идти до согласия искусственно удлинять этот первоначальный порядок за пределы его предварительного назначения, когда наступило наконец время для системы, более соответствующей всей совокупности нашей интеллектуальной и чувственной природы.

2. Положительное мышление является непосредственно социальным

Социальный характер позитивной морали

56. Положительное мышление, напротив, постольку, поскольку это возможно, является прямо общественным и достигает этого без всякого усилия, благодаря одной только характеризующей его реальности. Для него человек в собственном смысле слова не существует, существовать может только человечество, так как всем нашим развитием, в каком бы отношении его ни рассматривать, мы обязаны обществу. Если идея *общества* кажется еще абстракцией нашего ума, то это преимущественно в силу старого философского мировоззрения, ибо, по правде сказать, именно идея индивида отличается – по крайней мере у нашего рода, таким характером. Новая философия, во всей ее совокупности, будет стремиться обнаруживать как в действительной, так и в умозраительной жизни связь каждого со всеми, проявляющуюся в массе различных видов, – дабы сделать невольным обычным чувство тесной социальной солидарности, надлежащим образом распространенной на все времена и на все места. Не только деятельное искание общественного блага будет беспрестанно представлять способ, наиболее пригодный и обычный для обеспечения частного благополучия, но, благодаря влиянию – одновременно более непосредственному и более чистому, а впоследствии более сильному – возможно более сильное проявление великодушных склонностей станет главным источником личного счастья, даже когда награда будет заключаться исключительно в неизбежном внутреннем удовлетворении. Ибо если, как это не подлежит сомнению, *счастье* вытекает преимущественно из разумной деятельности, то оно должно зависеть от инстинктов сочувствия, хотя наша организация обычно не сообщает им преобладающей энергии; ибо добродетельные чувства суть единственные, которые

Общественное благо может продолжаться только родом

могли бы свободно развиваться в общезитии; последнее, естественно, все более и более возбуждает их, открывая им бесконечное поле, между тем как оно, по всей необходимости, требует известного постоянного подавления различных личных побуждений, стихийный рост которых порождал бы непрерывные конфликты.

В этом широко захватывающем социальном единстве каждый найдет нормальное удовлетворение того стремления быть увековеченным, которое прежде могло удовлетворяться только посредством иллюзий, отныне несовместимых с нашим умственным развитием. Не имея возможности продлить свое существование иначе, как посредством рода, индивид будет, таким образом, стараться по возможности полнее слиться с ним, прочно связывая себя со всем его коллективным существованием – не только настоящим, но и прошлым и в особенности будущим, дабы придать своей жизни всю ту яркость, которую в каждом случае позволяет совокупность реальных законов. Это великое отождествление сможет стать тем более тесным и будет тем лучше понято, что новая философия необходимо определяет этим двум видам жизни одно и то же основное назначение и один и тот же закон эволюции, заключающийся всегда, как для индивида, так и для рода, в непрерывном поступательном движении, главная цель которого была указана выше; это – стремление доставить, с одной и с другой стороны, преобладание человечности, или сочетанию ума с ответственностью над животностью в собственном смысле слова. Так как все наши чувства способны развиваться только посредством прямого и непрерывного их упражнения, тем более необходимого, что вначале они отличаются менее энергичным действием, то всякому обладающему, даже эмпирически, истинным знанием человеку было бы излишне далее доказывать необходимое превосходство положительного мышления над старым теолого-метафизическим направлением в области здравого и деятельного подъема социального инстинкта. Это превосходство столь заметно, что общественный разум, без сомнения, достаточно признает его задолго до того момента, когда соответственные учреждения смогут надлежащим образом провести в жизнь его счастливые свойства.

(Окончание следует.)

